

О БОГОЛЕПОВЕ В. Г. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БОГОЛЕПОВ Василий Григорьевич, родился в 1884 в Екатеринбурге. Ветеринарный врач. В 1930-х — проживал в Орджоникидзе, работал директором Ветеринарно-Бактериологического института. 28 февраля 1933 — арестован по обвинению во вредительстве и заключен в тюрьму. Очевидно, во время следствия он передал с оказией своей жене подробное письмо о следствии. 2 октября 1933 — Василий Григорьевич Боголепов был приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

В сентябре 1936 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена, Ольга Алексеевна Боголепова, распечатав полученное ранее письмо мужа.

<Сентябрь 1936>

«Оля. Я только теперь ясно представляю, что натворил. Там я был совершенно, особенно порой невменяем. На меня особенно действовали расстрелы осужденных во дворе, а их было много. 16-го мая, вечером я был вызван к Чумаченко, и он мне показал бумаги из нашего института о моих долгах и об индюшках. Это так меня огорошило, что я всю ночь не заснул, а утром должен был написать ему объяснение. Объяснение писал, как в тумане. Мне все мерещилось постановление от 7-го августа. Оно меня совершенно парализовало. Я был совершенно невменяем. И нервы доводили меня до иступления. Написав объяснение, я также написал заявление Годика, что мне необходимо с ним видеться и получить ответы на мои вопросы. Чумаченко с заявлением вернулся, сказав, что Годика еще нет, — он не пришел, — но что он его передаст, а меня отвели в камеру. Пройдя в камеру, я в вахтерке у врача взял валерианки и хлебнул ее почти полфлакона. От нервоза я совершенно ничего не соображал. В это время меня вызвали наверх. Это было 17 мая в 10 часов утра. Я спросил Годика о мелочных вопросах. Он мне начал говорить, что меня отправят в Москву, и что мне придется там все равно признаться, так как показаний на меня много; что, конечно, Сизов не врет и что Дзеранов уже сознался, и что они отпускают его за это, до решения дела, на поруки; что сознавшегося Бяхера отпустили и что сейчас же отпустят меня, если я пойду ему навстречу. Он поклялся жизнью своей дочери, что все это выполнит и что даст мне бумажку получить жалованье, и им можно будет покрыть долги института. В противном случае я, говорит, "столько напишу об Вас, что все равно Вы будете виноваты. Ведь на чашку весов обвинения против Вас все прибавляется, и что все равно Вам шлепки не миновать. Нам нужно признание, чтобы мы знали и могли направить заблудившихся-признавшихся, мы исправляем признавшихся, и они могут искупить свою вину дальнейшей работой". Сует мне бумагу и говорит — пишите: "Я искренне раскаявшийся, чистосердечно признавшийся, показываю нижеследующее" и т. д. Первые строчки я написал, а в дальнейшем писал все он. Напишет фразу и спрашивает: "Так было ведь". Я, как попугай, повторяю: "Да, так, так". Но временами с протестом говорил, что этого не было и не могло быть, что это ложь и неправда. Он возражал, что это было и говорите, что было. Я очень плохо реагировал и просил отложить до завтра, что я сейчас невменяем, и что на меня плохо подействовала валерианка, он же все пишет и просит поддакивать. Потом он позвал своего заместителя Воробьева. Дали мне возможность написать тебе открытку о свидании. "Сейчас же переведем в лучшую камеру, дадим провожатого в институт, где Вы соберете документы и отчитаетесь". В результате продержал меня до 5-6 часов вечера, даже дал половину своего завтрака, кусок хлеба, намазанного повидлом. 20-го меня вызвал

Помялов, помощник Малышева, и начал допрашивать меня, как я дошел до жизни такой, как я дошел идеологически до вредительства, и что меня побудило к этому. Никогда в жизни я не чувствовал себя так скверно, не зная, что говорить. Он мне помогал говорить: "Вот Дзеранов ясно все изложил — он, как эсер, конечно, не согласен с советской властью, у него определенные воззрения, но он "раскаялся" и все в том же духе. Я ему, как в тумане, повторял то, что запомнил из диктовки Годика. Затем он отвел меня к Годику, и тот в этот вечер, до 12-и часов, еще расширял мои показания, также диктуя, как и 17-го мая. Затем он, для детальных показаний, вызвал меня уже после возвращения из Ростова, числа 30-го мая или 1-3 июня. Опять все шло так же. На мои протесты, что этого не было, он возражал мне, что я иду по канату и могу упасть и что, если я не подтверждаю то, что он говорит, то он берет все свои обещания обратно, и пеняй на себя. Вот в этот допрос он совершенно изменился. Даже сказал, что доценты врать не могут, врут только проститутки, т<о> е<сть> выругал меня проституткой, в силу чего я уже был связан и катился под гору. Конечно, никаких обещаний он не выполнил, даже наоборот, не отвечал и не вызывал меня на мои заявления. И все дело повел Чумаченко. При нем у меня была очная ставка с Ирошниковым. Конкретно мои показания свелись к следующему: вовлек меня во вредительскую организацию Прохоров по приказу Сизова. Я организовал контрреволюционную ячейку, которая состояла из меня и Дзеранова — его завербовал я. В завуалированной форме говорил Ирошникову. Дзерганов со своей стороны привлек фельдшера в Котляревском птицеводстве. Идеологически до вредительства дошел благодаря недостатку продуктов и частнособственническому настроению, благодаря воспитанию в старой школе и буржуазному настроению. Конкретно вредительство осуществлял с Дзерановым в Ингушевском совхозе. Вот приблизительно главные моменты этих показаний. В конце, уже у Чумаченко я писал, что искренне раскаиваюсь и прошу о моем помиловании и позволении работать, чтобы загладить и покрыть ущерб, нанесенный государству. Ты же в курсе дела о материале на меня. Первый материал — это Сизова. Он показал, что по его воле через Прохорова организована ячейка на Северном Кавказе из Богомолова и Дзеранова. Дальше он показывает, что я ему, будучи в Москве, дважды делал доклад о работе ячейки и что организовал ячейку в Котляревском комбинате, которая состояла из зоотехника, врача, фельдшера и технического персонала. Дальше он говорит, что мною проведено вредительство в Чеченском, Куркужинском и Ингушском совхозах, где вакцинация произведена не по инструкции — вместо трех раз применялась 2 раза, отчего вспыхнула холера через два месяца и погубила совхозы. Затем, институт израсходовал много средств, не дав никакой работы, и что это прямое вредительство. Темы прорабатывались не актуальные, ненужные, а необходимые задерживались и т<ому> <подобное> в этом духе. На моих допросах фигурировали два его показания, от 7-го января и какого-то февраля, в которых он говорит, что организованным ячейкам была дана установка о подготовке населения и сотрудников к интервенции. Удивляюсь, как он не предписал еще подготовить кур к интервенции. Затем, материалы Дзеранова — он в первом же показании говорит: "Во вредительской организации под руководством Боголепова участвовал и я". Дальше показывает, что по моей установке провел прививку в Кубанском совхозе и что, несомненно, такая прививка (всего однократная) не могла не дать определенных результатов. "Боголепов, — пишет он, — с частнособственническим уклоном, что подтверждается поручением мне продать в Ростове институту свой участок за хорошую цену, а участок институту совершенно не нужен. Он, Боголепов, буржуазно настроенный, радуется всяким

репрессиям против коммунистов в Германии". И так — в этом духе. Еще есть много его показаний. Бляхер и Ирошников также лягут меня, оправдываясь, что несчастье с птицей в совхозе № 90 произошло по моей вине. Холера началась от вакцинации, давал неправильные установки по борьбе, неправильно дал план стройки бойни и, видимо, много еще чего, что мне не показывали. И еще были показания из Москвы, но их я не видел. В подлинности этих показаний сомневаться нельзя было, т<ак> к<ак> Сизовские — заверены Московским ГПУ, Дзеранова, Ирошникова, Бляхера — подписаны ими. Я знаю, что все дело создано. Но что же поделаешь теперь. При допросе Годик все мне твердил: "Вы жалеете всех, а вас не жалеют — бьют. И все показывайте по моей указке, и ни копейку не давая больше. Смотрите, повредите только себе. Мы от раскаявшегося требуем полного признания, и если что узнаем стороной, то вся его искренность ставится под удар и во внимание не принимается". Теперь ты в курсе всего. Мне кажется, что предпринять что-либо — это ухудшить положение. Меня еще промучают целый ряд месяцев, продержав в подвале, а там еще чем-нибудь заболеешь — да и выйдешь полным инвалидом. Даже теперь, получив малярию, я потерял столько здоровья, да и пятимесячная высидка дала себя чувствовать.

По-моему, нужно добиваться, чтобы наказание было не так сурово и чтобы оно прошло скорее, т<ак> к<ак> только в этом надежда, что я поправлюсь и могу еще работать и жить. Поговори в этом направлении, хотя бы с Х. (фамилия мною в оригинале стерта, в случае надобности могу ее восстановить О. Боголепова). Ну, если, например, меня сошлют лет на 5 куда-нибудь в отдаленные края, вот тут будет необходимо выбрать место. Я боюсь одного, что могут дать более суровое наказание, как, например, шлепка. Все усилия нужно направить, чтобы получить наказание поменьше. Вот видишь, как все это печально. Олюнек, тут мало огорчения — тут сплошное несчастье. Сколько я мучился, сколько пережил. Да и теперь сколько мук. Мучаюсь за вас, что и вас потянул за собой. Не огорчайся, дай только выбраться отсюда, хотя бы с небольшим наказанием, тогда что-либо предпримем и заживем снова. Видимо такова моя судьба — это для меня неизбежно. Боюсь, что долго будут держать здесь. Это вот нудно. Пришли бумаги, писать совершенно не на чем, и хороший карандаш.

Твой Боголепов»¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1481. С. 36-37. Машинопись.